

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

**федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
профессионального образования
«Забайкальский государственный университет»
(ФГБОУ ВПО «ЗабГУ»)**

Александрово-Заводская ул., д. 30, г. Чита, 672039 Россия

Тел. (302-2) 41-64-44, 41-66-00

Факс: (302-2) 41-64-44

Web-server: www.zabgu.ru

E-mail: mail@zabgu.ru

ОКПО 02069390, ОГРН 1027501148652

ИНН/КПП 7534000257/753601001

13.10.2015 № 25-3065

На № _____ от _____

Отзыв официального оппонента

**на рукопись диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук**

Павленок Галины Дмитриевны

**«Технология обработки камня в селенгинской культуре
Западного Забайкалья
(по материалам стоянки Усть-Кяхта-3)»**

Прежде всего, отмечу как весьма позитивный момент то обстоятельство, что в основу диссертации положены материалы памятника исследованного академиком А.П. Окладниковым, но в силу обстоятельств им не опубликованные. Этот памятник вошёл в науку под названием Усть-Кяхта-3. Значимость его определяется стратифицированной позицией археологического материала и представительностью коллекции каменных изделий. В долине реки Селенги, там, где находится Усть-Кяхта-3, такие памятники единичны в силу существенных эрозионных процессов, связанных с развеиванием и образованием котловин выдувания или латеральными размывами реки ею же созданных террас. К этому добавляется усиливающаяся антропогенная деятельность. Так, в результате модернизации трассы Улан-Удэ – Иркутск окончательно исчезло поселение Ошурково – один из уникальных памятников также открытых А.П. Окладниковым. А на реке Уде – притоке Селенги в результате наезда тяжелой техники развалена фронтальная стенка палеолитического жилища, раскопанного в 1968 году под руководством А.П. Окладникова и тогда же в полевом варианте музеефицированного.

Полагаю, что очень важно – и с научной и этической стороны - решение вопроса о том, чтобы старые коллекции не оставались в туне, а обретали молодых заинтересованных хозяев – исследователей. В данном случае это произошло, и Г.Д. Павленок своим полноценным исследованием обеспечила продолжение жизни в научной сфере коллекции Усть-Кяхты – 3 и, в целом, привлекла внимание к этому

памятнику. По статистическим подсчётам исследователя коллекция артефактов с Усть-Кяхты-3 по результатам раскопок А.П. Окладникова состоит из 39695 артефактов. К ним добавляется 641 артефакт, полученных самой Г.Д. Павленок в результате небольших, но полезных раскопок 2012 года. Отмечу, что с Окладниковской коллекцией Усть-Кяхты-3 мне довелось достаточно детально познакомиться в 1976- 1979 годах (во время учёбы в аспирантуре и подготовке к защите кандидатской диссертации под руководством А.П. Окладникова).

Основные усилия Г.Д. Павленок были направлены на изучение технологии обработки камня, применяемой обитателями стоянки Усть-Кяхта - 3, что отражено в названии диссертации и закреплено в разделе о целях и задачах исследования. Изучение коллекции артефактов проведено с учётом выделенных А.П. Окладниковым на этом памятнике двух культурных слоёв. Автор диссертации творчески освоил отечественный и зарубежный опыт исследований в этом направлении. Им выявлены основные технологические приёмы расщепления камня с выделением нескольких типов нуклеусов, а также разработана методика по определению техники скола с учётом особенностей местной сырьевой базы. Для забайкальского региона такая работа является новаторской.

Г.Д. Павленок активно использует такие термины как таблетки, полутаблетки, реберчатые и полуреберчатые сколы, усики, изъянцы и пр. Никаких возражений их применение не вызывает. Единственный термин, который мне кажется не удачным, - это «заныривающие снятия» (с. 32), поскольку он не соответствует нормам русского языка (может быть – заглубленные снятия?!) На основе технологического анализа автор приходит к выводам об использовании применительно к определённым типам нуклеусов на различных стадиях их утилизации твёрдых и мягких отбойников, или же техники отжима. В первом случае снимаются пластины, пластинки и отщепы, во втором - микропластинки. Интересны наблюдения автора о переоформлении крупных пластинчатых нуклеусов по мере их истощения в мелкие, клиновидные, предназначенные для снятия микропластин.

Г.Д. Павленок выполнила на усть-кяхтинских материалах типологические разработки по каменным орудиям. Ею выделены в различных модификациях скребла, скребки, резцы, проколки, ножи, остроконечники усть-кяхтинского типа, долотовидные и шиповидные орудия, комбинированные изделия, при этом определяется тип скола-заготовки, указываются метрические показатели и характер ретуши. Заметно отсутствие в коллекции чопперов, обычных для забайкальских палеолитических памятников (но этот факт исследователем не объяснён). Аналитическо-описательная часть исследования дополняется развёрнутыми статистическими выкладками в виде разнообразных цветных диаграмм (у них только один недостаток – они становятся очень дорогими при публикациях).

Применительно к анализу каменной индустрии представляется необходимым обратить внимание на следующие обстоятельства. Идея постепенного перехода от крупных (пластинчатых) нуклеусов к мелким (клиновидным) принадлежит А.П. Окладникову, при этом крупные нуклеусы им характеризовались как леваллуазские. На это важное наблюдение о происхождении техники торцового расщепления возможно было указать в диссертации, особо подчеркнув то, что конкретные технологические приёмы превращения одних форм нуклеусов в другие являются авторской разработкой.

Второй момент касается определения типа нуклеуса, предназначенного для снятия микропластин. Автор называет их клиновидными, тогда как принцип расщепления характеризуется как торцовый. По этому поводу высказывалась З.А. Абрамова. Она считала, что определение принципа расщепления как торцового следует переносить и на тип нуклеуса, называя его торцовым, а не клиновидным, поскольку фронт и его позиция важнее, чем клин, являющийся вспомогательным элементом. Если даже автор диссертации не согласен с этим выводом, то стоило бы упомянуть о нём в диссертации.

Особую важность представляет собой определение возраста культурных слоёв памятника. Автор полностью опирается на результаты радиоуглеродного датирования. Действительно, серия дат обширна и компактна, укладывающаяся в хронологический период от 12595 до 11505 л.н., что позволяет автору считать памятник финальнопалеолитическим. Вместе с тем известно, что абсолютный метод датирования должен проверяться другими методами, и прежде всего геологическими и археологическими. По геологии памятника автором приводятся некоторые данные, но они неполные. Так, нет элементарного текстового представления стратиграфии разреза с описанием слоёв сверху вниз и указанием их мощности. Стратиграфические данные присутствуют в диссертации только в виде двух чертежей и разъяснений к ним, при этом на авторском чертеже отражена 2-х метровая пачка отложений, а на чертеже из отчёта А.П. Окладникова более полная – четырёхметровая. Автор не указывает полную мощность отложений, не определяет стратотип и высоту террасы. Указание на то, что терраса является первой надпойменной, не подкреплено доказательствами. Размещённые в диссертации два чертежа профилей и фото одного из профилей раскопа позволяют составить собственные оценки стратиграфии памятника и возраста культурных слоёв. Наверное, нелишне будет отметить и то, что данный памятник мне известен не только по диссертации, но и как таковой, поскольку полевые маршруты, автомобильные и водные, неоднократно выводили нашу экспедицию к району Усть-Кяхты. Культурные слои Усть-Кяхты-3 связаны с чёрными гумусированными прослойками, при этом верхняя прослойка (слой 1) более чёткая, а нижняя (слой 2) более размытая. Такие чёрные гумусированные прослойки могли в условиях Забайкалья формироваться, по нашим представлениям, только в период голоцена; более того - не во все этапы голоцена, а только в голоценовом (атлантическом) оптимуме, датированном в пределах от 8 до 4 тыс. л.н. В разрезе отложений выше указанных культурных слоёв прослеживается серия палеопочв мощностью до 10 см., сильно обесцвеченных, но всё же визуально определимых. Исходя из этого становится понятно, что культуросодержащие гумусированные прослои должны относиться к началу голоценового оптимума, т.е. ко времени 8-7 тыс. л.н. Именно к таким выводам можно прийти, исходя из опыта изучения нами многослойных памятников, таких как Студёное-1, Усть-Менза-1, Косая Шивера, Алтан, а также Ошурково и др., проведённых с участием таких геологов как С.М. Цейтлин, Д.Б. Базаров, И.Н. Резанов и др. Об этом же свидетельствуют разрезы таких сибирских памятников как Улан-Хада на Байкале, Казачка на реке Кан, Белькачи в Якутии и др., исследованных разными учёными, но всегда датированные в пределах голоцена.

Получается так, что геологический анализ возраста отложений Усть-Кяхты-3 противоречит радиоуглеродному, и это обстоятельство заставляет усомниться в

достоверности «абсолютных дат». Особо отмечу чрезвычайно важное обстоятельство: уже более 20 лет назад нами совместно с Л.Д. Сулержицким (Институт геологии РАН) установлен факт появления неадекватных радиоуглеродных дат как раз для эпохи атлантического оптимума, а также последующего суббореала, тогда как даты для эпохи карги, сартана (во всех их подразделениях), а также бореала и субатлантики полностью соответствуют характеру геологических отложений и археологического материала (Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии, 1994, с. 111). При этом данный факт установлен по многослойным памятникам, являющихся своего рода самопроверяющимися системами. Так, к примеру, на Студёном-1 выявлено 38 культурных горизонтов, на Усть-Мензе-1 – 25 горизонтов, при этом, конечно, выглядит неприемлимым то, что р/углеродные даты по слоям из атлантического оптимума этих памятников получаются более древними, чем из нижней части отложений, относящихся к позднекартанским интерстадиалам, причём даже на три, пять, а то и десять тысяч лет. Сам факт удревления дат, полученных по пробам из слоёв атлантического оптимума, не вызывает сомнений, но остаётся не разъяснённой причина этого явления. Ряд исследователей восточносибирских памятников не обращают внимания на данные обстоятельства и без всесторонней геоархеологической проверки возраста памятников принимают радиоуглеродные даты на веру, что ведёт к существенным искажениям в понимании природных и исторических процессов. Например, если черные гумусированные прослойки, такие как на Усть-Кяхте-3, относить к плейстоцену, то надо принципиально менять представления о климате и характере осадконакопления в ту эпоху, причём её вряд ли уже можно будет назвать ледниковой. Забайкальский плейстоцен с его особым центральноазиатским сочетанием холода и сухости не позволял формироваться таким прослойкам. Ещё раз отметим: исходя из геологической оценки возраста отложений с культурными слоями 1 и 2, их следует относить к началу атлантического оптимума (8-7 тыс. л.н.).

Теперь обратимся к археологической стороне дела. Может ли каменный инвентарь из культурных слоёв Усть-Кяхты-3 относиться к указанному нами времени? Для этого возможно провести корреляцию с соответствующими культурными горизонтами поселений Студеное-1 и Усть-Мензы-1, т.е. теми, что связаны с нижней частью отложений атлантического оптимума. Эти памятники изучены на обширной площади и характеризуются представительными коллекциями каменных изделий. Г.Д. Павленок обращается за сравнениями к этим чикойско-мензинским памятникам, но сравнивает свои материалы с их нижними слоями. На самом деле усть-кяхтинский материал по технологии, типологии, морфологии каменных изделий в большей степени соответствует 8-12 горизонтам Студеного-1 и 7-11 горизонтам Усть-Мензы-1, а не тем, что располагаются ниже по разрезам, как считает Г.Д. Павленок. Указанные горизонты Студеного-1 и Усть-Мензы-1 относятся к мезолиту-раннему неолиту. В них есть полные аналогии и общему составу нуклеусов и орудий, и частные аналогии конкретным формам, включая остроконечники «усть-кяхтинского типа», а также костяным орудиям. В отношении последних возникают особо важные суждения. Так, основа вкладышевого ножа с двумя пазами с Усть-Кяхты-3 (с. 207, рис. 5) находит повторение в такой же находке из горизонта 11 Усть-Мензы-1, но нами она интерпретируется не как нож,

поскольку основа для этого слишком узка, особенно при двух пазах, а как вкладышевый наконечник стрелы. Наконечником стрелы может оказаться и костяной предмет с Усть-Кяхты-3, обозначенный как обломок костяной проколки. Такое изделие нами выявлено в черепе человека из погребения позднего мезолита в Жиндо, по которому ныне выполнена антропологическая реконструкция Р.Х. Галеевым (Институт этнологии и антропологии РАН). Оно прошло через висок человека и явно является наконечником. Среди костяных изделий Усть-Кяхты-3 есть и рыболовный крючок (с. 207, рис 2). Такие же два по назначению крючка, но только из отростков рожков косули, есть в горизонте 11 (поздний мезолит) Студёного-1. Таких рыболовных крючков, равно как наконечников стрел, нет ни на одном палеолитическом памятнике Забайкалья, зато они представлены в слоях мезолита-раннего неолита. Люди этого времени охотились с применением лука и стрел и активно ловили рыбу. В этой связи особо хотелось бы отметить, что обитатели селенгинского памятника Усть-Кяхта-3 были особо активными и удачливыми рыболовами. На каждом квадрате этого памятника отложились десятки, а то и сотни костей рыб (удачно выявленных при промывке грунта в ситах). Вместе с каменными изделиями они были в каждом крафтовом пакете, содержащем находки Усть-Кяхты-3. Такого изобилия костей нет ни на одном из забайкальских памятников. Мне доводилось их видеть во время просмотров коллекций с этого памятника в 1976-1979 годах. В диссертации Г.Д. Павленок сведений об этих находках нет. Будем надеяться, что они не утрачены безвозвратно.

Возможно вспомнить и о керамике с Усть-Кяхты-3, также уже не представленной в коллекции. Мне довелось рассматривать эти 12 тонкостенных фрагментов со штрихами на поверхности, они представляются весьма архаичными, вполне соответствующими столь же малочисленному фрагменту керамики со Студёного-1 (горизонты 8-9) и Усть-Мензы-1 (горизонты 7-8). Автор диссертации считает, что керамика попала в культурный слой Усть-Кяхты-3 случайно. Оспаривать этот факт не буду, но предположу и иной вариант: обитатели Усть-Кяхты-3, примерно 7 тыс. л.н. вполне могли изготавливать небольшие круглодонные сосуды. Данная керамика вполне может относиться к древнейшей в Забайкалье.

Автор диссертации относит Усть-Кяхту-3 к селенгинской культуре финального плейстоцена. Важную роль в построениях автора играет корреляция со стоянкой Усть-Кяхта-17, исследованной В.И. Ташаком. Не вдаваясь в подробности, с уверенностью заявляю, что все шесть слоёв Усть-Кяхты-3 связаны с голоценовыми отложениями, а не финальноплейстоценовыми как считает автор раскопок, а вслед за ним Г.Д. Павленок. Доказательства этого такие же как по отношению к Усть-Кяхте-3.

По мнению Г.Д. Павленок селенгинскую культуру выделил В.И. Ташак. Ранее было принято считать, что её выделил Г.Ф. Дебец. Его уникальная статья «Опыт выделения культурных комплексов в неолите Прибайкалья» (1930) тому яркое доказательство. Возраст селенгинской культуры условно определялся Г.Ф. Дебецем как ранне-неолитический с возможным удревнением до конца четвертичной эпохи. О приоритетах Г.Ф. Дебеца в этой области писали А.П. Окладников, В.Е. Ларичев, З.А. Абрамова и др. И этот приоритет надо сохранить.

Здесь же полезно высказаться в отношении истории открытия и публикации первых материалов с Усть-Кяхты-3. Первым древние стоянки в окрестностях Усть-Кяхты обследовал А.П. Мостиц, начиная с 1887 года. Он открыл 6 стоянок, отметив, что слобода Усть-Кяхта изобилует древностями. Материалы со стоянок он передал в Иркутский музей, сопроводив картой, а новые сборы - в Троицкосавско-Кяхтинский музей и опубликовал статью «Археологические находки в окрестностях Усть-Кяхты (Иркутск, 1894). Полагаю, что вряд ли А.П. Мостиц пропустил стоянку с подъёмным материалом, расположенную вплотную к слободе, на берегу Селенги. А.П. Окладников отмечал выдающие заслуги А.П. Мостица. В этом году исполняется 150 лет со дня рождения А.П. Мостица – ученика И.Т. Савенкова, первооткрывателя каменного века в Западном Забайкалье. Разумеется, открытия А.П. Мостица не уменьшают заслуг А.П. Окладникова, поскольку им окончательно застолблено существование стоянки Усть-Кяхта-3. В историографическом разделе диссертации её автору вполне можно было отметить ряд публикаций, в которых есть данные об основном объекте исследования. А.П. Окладников сообщал об её открытии в статье «Палеолитические стоянки в Забайкалье», опубликованной в 1960 г. в журнале «Asian Perspectives». Н.А. Береговая включила сведения об Усть-Кяхте в свой справочник «Палеолитические местонахождения СССР» (МИА, № 81, с. 95). Освещение четвертичной геологии и геоморфологии района исследований представлено не только в монографии Д.Б. Базарова, изданной в 1968 г., но и его монографиях, изданных в 1982 г. («Геология и культура древних поселений Западного Забайкалья») и в 1986 г. («Кайнозой Прибайкалья и Западного Забайкалья»).

Хотелось бы рекомендовать автору диссертации провести дополнительные полевые исследования на Усть-Кяхте-3. Это позволит выявить кости рыб, а возможно и керамику, уточнить стратиграфию, как геологическую, так и археологическую с возможным выделением (вместо 2-х) – 4-х -5-ти культурных слоёв.

Вместе с тем данное диссертационное исследование следует признать завершённым и плодотворным. С поставленной задачей - освещение технологии каменной индустрии древнего памятника – автор диссертации успешно справился. Что касается определения возраста памятника, то, следует признать, что в археологии нет более сложных задач, чем хронологические. Известно, что вопрос о возрасте памятников и культур обсуждается подчас десятилетиями, и нередко переходит от одного поколения учёных к последующим.

Считаю, что подготовленная к защите диссертация Г.Д. Павленок соответствует уровню кандидатских диссертаций, а её автор заслуживает присвоения ему степени кандидата исторических наук. Автореферат соответствует тексту диссертации.

Руководитель лаборатории палеозоологии, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Забайкальского государственного университета

672027, г. Чита, ул. Александрово-Заводская 30,
Сот. Тел (302-2) 41-64-44, 41-66-00. E-mail: mail@zabgu.ru

5.10.2015 г.

Начальник отдела управления персоналом
управления кадров ФГБОУ ВПО «ЗабГУ»

М.В. Константинов

13 10 2015 г.